

ГЛАВА 1

Береника была на самой вершине власти... она обитала во дворце, будучи сожительницей Тита. Намереваясь выйти за него замуж, она вела себя так, будто уже стала его женой; но он, осознав, что римляне недовольны подобным положением вещей, отослал ее прочь.

Кассий Дион. Римская история

Ночь утопает в аромате олеандра, чья ядовитая сладость для Амары непременный атрибут Рима. В окружении других женщин она стоит у высоких арочных окон с видом на залитый лунным светом город, который млеет от ласкового дуновения ветерка, все еще теплого после изнурительной дневной жары. Сюда, на вершину Палатина*, уличный шум едва долетает, и все же столица империи определенно не спит. В любой час стучат по булыжникам мостовой колеса телег; и Амаре прекрасно известно, что там, у подножия дворцового холма, воздух пропитан зловонием, а не ароматом цветов.

Отблески факелов мечутся по мраморному полу и покрытым росписью стенам, подсвечивая золото узоров, и оно переливается, словно расплавленное. Роскошь, окружающая Амару, разительно отличается от мрака, давившего на нее в «Волчьем логове», но, несмотря на весь блеск и пышность, здесь также присутствует боль. Перед ними царица Береника: темные локоны не убраны, на лице потеки сурьмы. Царица Иудеи всегда была великолепной актрисой и без умысла не делала ни единого шага, но Амара

* *Палатин* — центральный из семи главных холмов Рима высотой 40 м, одно из самых древнезаселенных мест в Риме. Здесь и далее примечания переводчика.

знает, что эти ее слезы непритворны. Даже самым сильным женщинам любовь разбивает сердца.

В зале стоит гул от приглушенных рыданий, с которыми причитающие служанки толпятся вокруг царицы, цепляясь за ее одежды. Их Амара рассматривает с холодным любопытством, гадая, многие ли здесь искренне сожалеют об отъезде госпожи. Среди тех, кто пришел проводить Беренику, меньше влиятельных лиц, чем она ожидала. Вероятно, Тит все-таки не изменит своего решения и на этот раз его возлюбленная *действительно* отправится в ссылку. Он столько раз обещал избавиться от Береники, но в итоге не мог разлучиться с женщиной, которая во всех отношениях была его женой. Амара уверена, что Береника оценит иронию происходящего: именно в тот момент, когда она достигла вершины колеса Фортуны, когда ее возлюбленный стал императором, Тита вынуждают низвергнуть ее.

Черда провожающих медленно движется вперед. Скоро придет очередь Амары прощаться. Она старается запомнить все увиденные здесь лица, пересчитывая их про себя. Ее патрон Деметрий ожидает подробнейшего отчета. Именно за этим ее сюда и послали — чтобы понять, насколько велика вероятность очередного возвращения Береники. Амара убеждает себя, что пришла бы отдать дань уважения в любом случае; в конце концов, она действительно глубоко восхищается царицей. Но в глубине души понимает, что, попроси ее Деметрий держаться подальше, она бы его послушала.

Прищурившись, Амара пытается разглядеть новое лицо в зале — жена какого-то сенатора? — когда замечает, что женщина перед ней, которая, казалось, никогда не устанет прижимать усыпанную драгоценностями руку Береники к своей груди, наконец-то собирается уходить. Амара поспешно делает шаг прямо в объятия царицы.

— Плиния Амара. Ты пришла.

Кажется невозможным, что она слышит глубокий голос царицы в последний раз. Амара смотрит Беренике в глаза, видя следы недавних слез. Женщине, похитившей сердце Тита, около пятидесяти, и насмешники уже вовсю подшучивают над ее дряхлостью, но от их издевок красота Береники не тускнеет. Даже сейчас, проведя ночь в слезах, она остается одной из самых потрясающих женщин, что доводилось видеть Амаре. Но Тит выбрал ее не из-за этого. Император любит Беренику за то, что вызывает ненависть ее врагов: она сильная женщина, потрясающе умная, не скрывающая своего мнения.

— Он снова пошлет за тобой, — внезапно выпаливает Амара, позабыв все льстивые слова, которые так долго готовила. — Когда пройдет хотя бы год его правления в Риме, когда он укрепится на троне. Я в этом уверена.

— Все так говорят. — Береника указывает на ожидающих своей очереди. Затем, шмыгнув носом, выпрямляется. — Но тогда, возможно, я откажусь возвращаться. — Амара встречается взглядом с царицей, и та улыбается. — А возможно, и нет.

Тут на лице Береники проскальзывает усталость, и Амара понимает, какую боль причиняет ей попранная гордость. Ведь ей приходится зависеть от капризов мужчины, пусть даже самого могущественного на свете.

— Мне будет не хватать твоего чтения, — говорит Береника. — Адмирал не солгал насчет твоего голоса.

— Ты слишком добра. Я уверена, что в Иерусалиме у тебя будет множество умелых помощников.

— Но без твоего чувства юмора. И пытливого ума. — Голос Береники становится ломким, словно прихваченная морозом трава. — Полагаю, что *твой визит*, Плиния Амара, должен утешить меня много лучше прочих. Должно быть, меня все-таки ждет возвращение в Рим. Ведь ты не из тех, кто выбирает тонущий корабль.

Амара колеблется. Береника нередко так поступает — награждает собеседника похвалой, которая вполне может обидеть.

— Нет сомнений, что твой триумф лишь вопрос времени, — произносит Амара. — Но сегодня ничто не помешало бы мне прийти сюда.

— Тогда, раз уж мы обе так уверены в скорой встрече, я не стану прощаться.

Береника протягивает Амаре руку для поцелуя. Та склоняет голову, и царица отворачивается, будто бы навстречу следующему посетителю. Еще мгновение Амара ждет официального разрешения удалиться, которого так и не следует. Она пытается поймать взгляд одной из служанок, которые тихо всхлипывают, вцепившись в подол царского платья, но девчонка отводит глаза в сторону. Амаре ничего не остается, кроме как уйти.

Она отступает, по-прежнему склонив голову, не желая проявить неуважение, а затем как можно незаметнее покидает зал и направляется к лестнице. Своды дворца внезапно начинают давить, словно на них лег груз горя царицы и отсутствия императора. Амара едва сдерживает себя, чтобы не ринуться вниз по мраморным ступенькам бегом, как ребенок. Напротив, она величаво направляется мимо проводящих жизнь в карауле рабов и позолоченных статуй Августа, Ливия и Цезаря, чтобы, пройдя под свисающими с потолка масляными лампами, похожими на созвездия, выбраться в прохладу ночи. Ее паланкин уже ждет.

Носилки покачиваются, когда рабы поднимают их с земли, — и Амаре кажется, будто она пьяна. Она откидывается на подушки, мягкая ткань которых ласкает кожу, с трудом подавляя желание схватиться за перекладки. Ей все никак не удается привыкнуть к тому, что ее носят другие люди; малейшая запинка в ее воображении ведет к падению. Собственные ноги кажутся намного более

надежными. Легонько, кончиками пальцев сдвинув прячущие ее занавески, она приоткрывает маленькую щелочку — достаточную, чтобы видеть происходящее снаружи и при этом самой оставаться незамеченной. Они покидают территорию императорского дворца, с его фонтанами и цветами, и выходят на улицы. Сердце Амары бьется чаще. Ей совсем не нравится передвигаться по Риму ночью. Они спускаются по склонам Палатина, мимо усеявших окрестности дворца магазинчиков, уже закрытых на ночь, прежде чем ступить на Викус Лонгус*. Тряский паланкин Амары нередко останавливается, поскольку улица забита тележками каменщиков, спешащих к колоссальному Флавиеву амфитеатру. Оказавшись у строящейся громады, она с интересом выглядывает наружу. Арена призраком высится в ночном небе, и арки светлого камня словно обрамляют темноту внутри. Театр смерти Веспасиана, источник невероятного количества стуков, криков и пыли, почти завершен. Отсюда к дому ведет прямая дорога; по ней Амара могла бы пройти и во сне. Деметрий живет на Викус Лонгус, неподалеку от Квиринальского холма, на котором с давних пор укоренилось семейное дерево его бывшего хозяина Веспасиана. Переезд нового императора на Палатин — одно из немногих отступлений Тита от порядков, принятых при отце; и Амара надеется, что отдаленность ее палатона от дворца в пространстве не станет знаком потери прежнего влияния. Прошли те времена, когда Деметрий возвращался с приема у императора за считанные мгновения; теперь дорога стала длиннее и беспокойнее, но она хотя бы достаточно широкая и людная. Извилистые, полные опасностей улицы города особенно пугают Амару.

* Улица в Древнем Риме, соединявшая Субурру с вершиной Квиринальского холма, между Квиринальским и Виминальским холмами.

Она наблюдает ночную жизнь Рима сквозь щелочку в занавесках. Вот поблизости проходит состоятельный мужчина в окружении рабов с факелами. Он не обращает внимания на проститутку, призывно выглянувшую из арки. Амара видит, как та беззвучно ругается вслед мужчине, потрясая тощей рукой. Что-то в полной уныния позе женщины пробуждает воспоминания Амары, снимает с них покровы — и вот уже незнакомка исчезает, уступив место Крессе, давно умершей подруге Амары из борделя в Помпеях. Затем и она растворяется в тенях.

Аромат благовоний сообщает о приближении к храму Фебриды, расположенному на полпути к дому Амары, задолго до того, как паланкин оказывается у расписанного алтаря богини лихорадки, дымящегося подношениями. Амара делает знак от сглаза. Поклонение италийцев Фебриде противоречит всему, чему ее учили в Греции, где ее отец-доктор — в своей работе постоянно сталкивающийся со смертью — старательно избегал любого упоминания Аида. Зачем привлекать к себе смерть или болезнь? Это совершенно неразумно. Настроения Амары не улучшают и надписи на стенах, снова и снова попадающиеся на глаза: «Поддельная Клеопатра», «Выскачка с Востока», «Иудейская распутница». Кажется, ненависть к Беренике разлита повсюду.

Амара опускает занавески, погружаясь в темноту с мерзким ощущением в животе. Чужеземные блудницы в Риме не пользуются популярностью; возможно, безопаснее всего не выставлять себя напоказ. Кто знает, не навлечет ли на себя нахальная греческая куртизанка гнев авторов этих надписей, который они желали бы излить на изгнанную царицу? В Риме всегда было беспокойно, недовольство здесь тлело, словно угли, готовые вспыхнуть пламенем; но никогда это не ощущалось с такой силой, как теперь.

С самого дня смерти императора Веспасиана четыре месяца назад Амара была напугана. Этот город слишком давно не видел мирной передачи власти.

Даже окутанная темнотой, Амара понимает, что дом близок, по ухабу, который носильщикам приходится обойти, прежде чем остановиться у дверей Деметрия, по резкому запаху благовоний, доносящемуся из расположенного рядом храма Фортуны Милостивой. Мужчины снимают паланкин с плеч, помогая ей выбраться наружу.

Привратник Сальвий встречает ее во двореике:

— Он ожидает тебя.

Стоит Амаре переступить порог дома, как ее накрывает знакомое ощущение спокойствия. Чувство принадлежности, которое воспринималось как должное дома, в Афидах, когда был жив отец, хотя атриум здесь намного роскошнее, чем был у них в Аттике. Амара, откинув покрывало с головы и позволяя шелку скользнуть на плечи, шагает по мраморным полам. Стены здесь не украшены росписями, они отделаны мозаикой из мерцающего стекла, цвета которого кажутся неестественно яркими даже в свете ламп. Деметрий заказал эти изображения за много лет до того, как встретил Амару, но их дерзость всегда вызывает у нее улыбку. Когда в других богатых домах картины на стенах прославляют богов во всем их блеске и могуществе, он решил отдать должное хитрости. Словно бесценные самоцветы, сияют на стенах сюжеты басен Эзопа, жалкого раба-грека. Гости в доме Деметрия оказываются под пристальными взглядами целого скопления лис, волков, мышей и коров. Впервые попав в его дом, Амара спросила, что он хотел этим сказать. Деметрий лишь рассмеялся: «Дорогая моя, гордись тем, что другие презирают. Кому есть дело до того, что ты раньше была проституткой, а я — рабом? Посмотри, кем мы с тобой стали теперь».

Некоторое время понадобилось на то, чтобы добратся до другой части дома, комнаты которой выходят в сад. Дверь в спальню ее патрона приоткрыта, а перед ней стоит на страже юный раб. Амара кивком отпускает парнишку. Сквозь дверь видно, что Деметрий задремал, ожидая ее. Он сидит, откинувшись на спинку дивана, с закрытыми глазами и расслабленно опустившейся челюстью. Она с шумом затворяет дверь, чтобы разбудить его, поскольку он не желает признавать слабости своего возраста; затем неторопливо задвигает щеколду, давая ему возможность прийти в себя, пока она стоит спиной.

— Как там Береника?

Повернувшись на звук его голоса, она пересекает комнату, чтобы устроиться рядом.

— Как и следовало ожидать. Убита горем, разгневана, полна гордости. Похоже, он действительно собирается сослать ее на этот раз. Там чувствовалась безнадежность.

Деметрий вздыхает:

— Плиний говорит почти то же самое. Тит решил — как бы невероятно это ни было. Кого еще ты там видела?

Амара пробегается по списку, ближе к концу начав считать на пальцах, чтобы убедиться, что никого не пропустила.

— И он удалил из дворца всех музыкантов и актеров.

— *Вообще* всех? — Деметрий поднимает бровь. — Я слышал, что он выгнал танцовщиц, но не певцов же. При дворе теперь определенно все по-другому.

— Возможно, мы с тобой станем там двумя главными распутниками.

Ее попытка пошутить не устаивается даже улыбки Деметрия.

— Куртизанки всегда нужны, если они не пытаются добиться слишком большой власти. — Он понижает голос, хотя они в комнате совершенно одни. — Посмотри на брата императора. Он отказался поцеловать Антонию

Цениду, конкубину отца, но это не помешало ему завести собственную.

Напряжение сковывает Амару, словно нежеланные объятия. Она знает, к чему ведет эта беседа. *Домициан*. Надежный младший брат императора, чье недовольство отказом Тита поделиться властью после смерти их отца известно всем, а амбиции и жестокость служат источником постоянных тревог ее патрона. Ходят слухи, что он убийца, хотя, конечно, никто не посмел бы обвинить Домициана публично. Деметрий внимательно смотрит на Амару:

— Не стоит делать такое кислое лицо, моя дорогая.

Он кладет руку на ее колено с наигранной заботой, заставляя ее нахмуриться.

— Очень даже стоит. Совершенно ясно, о чем ты попросишь меня дальше.

— Проблема в том, *калиста*^{*}, что такую отличную шпионку, как ты, не использовать глупо.

— Как лестно, — ворчит Амара, ничуть не смягченная ласковым греческим словом.

— Что ж, можешь радоваться или киснуть по этому поводу, дело твое. Но мне все-таки нужно, чтобы ты завтра навестила Сатурию.

— Эта девчонка меня бесит. — Шевельнувшись, Амара заставляет его убрать руку. — Кроме того, от нее никогда ничего путного не добьешься. Не думаю, что Домициан посещает Сатурию ради бесед о политике. Сомневаюсь, что он вообще с ней о чем-то говорит. Я бы не стала. Она совершенная дурочка.

— Мужчины всегда что-нибудь выбалтывают женщинам, с которыми спят. Это неизбежно.

— А ты не думаешь, что Домициан заподозрит во мне подосланную тобой шпионку, если я буду навещать ее

* Самая прекрасная (*греч.*).

слишком часто? Или того хуже: что, если его жена решит, что он спит и *со мной* тоже. Едва ли нам стоит приобретать врага в лице такого, как Домициан.

— Со стороны все будет выглядеть так, словно две хорошенькие куртизанки встречаются, чтобы поболтать о фасонах нарядов. Иногда, любовь моя, то, что большинство недооценивает твой ум, становится преимуществом. Однако *я* этого никогда не делаю.

Амаре вспоминаются сцены из басен в доме Деметрия. Его дань хитрости. Она понимает, что он так высоко ценит ее и поэтому тоже, но все же хмыкает, не желая признавать, что его лесть сработала.

— Я обращаюсь к тебе лишь из-за величайшего уважения к твоим талантам, Плиния Амара.

Деметрий продолжает наступление, обняв ее за талию. Ее губы вздрагивают в попытке удержать недовольную гримасу. Чувствуя близость победы, он наклоняется, чтобы запечатлеть на ее губах легкий поцелуй.

— Отлично, — произносит она тоном женщины, делающей огромное одолжение. — Я навещу ее.

— Плиний тоже хочет, чтобы ты завоевала расположение Сатурнии, если тебя это порадует.

От Амары не ускользает тот факт, что Деметрий предпочел объявить об этом, только получив ее согласие. Редкое проявление ревности, которое позволяет себе ее патрон, — сомнения в том, кому она предана больше: ему или Плинию, подарившему ей свободу.

— Радостнее от этого не становится, — заявляет она с притворной досадой. — В том, что вы оба мной командуете, нет ничего приятного. — Краем глаза она замечает улыбку, появившуюся на его лице. — А теперь, полагаю, ты ждешь, что я останусь на ночь.

Амара целует Деметрия в ответ, чтобы смягчить язвительный тон и дать понять, что она вовсе не против этой

идеи. На самом деле Амару совершенно не влечет к Деметрию, и никогда не влекло. Но она восхищается им и иногда находит утешение в физической близости, пусть даже потому, что лишь в эти моменты ее патрон расслабляется настолько, чтобы проявить свою искреннюю привязанность.

— Как я могу отказаться от столь любезного приглашения? — Деметрий отвечает на ее поцелуй со вполне реальным пылом. Поднявшись, он берет ее за руку и ведет к постели. — Хотя всей ночи я тебе обещать не могу. Мне сегодня надо выспаться, а ты никогда не оставляешь мне места.

Против воли Амара вспоминает о Филосе. О том, как было засыпать рядом с мужчиной, который обнимал ее так, словно никогда не хотел отпускать, в любви которого она никогда не сомневалась. Но она отбрасывает воспоминания прочь и дарит патрону улыбку, делая вид, что в сердце не скребется боль одиночества.

ГЛАВА 2

...Мы настолько зависимы от удачи, что сама удача становится в наших глазах Богом и тем доказывает, что Бог непостоянен.

Плиний Старший. Естественная история

Служанки порхают вокруг Амары, как пчелы вокруг цветка, разве что, в отличие от пчел, они покрывают ее нектаром, а не собирают его. Сегодня у нее целый час уходит на то, чтобы привести себя в достойный вид. Лицо и шея начинают чесаться, когда одна из девушек кистью наносит на них белую пудру, придающую коже бледность и мягкое сияние. Из уважения к отцу-доктору Амара настаивает на использовании мела, хоть он и намного менее популярен, чем

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

